

«*Internationaler Faschismus*». Beiträge ueber Wesen und Stand der faschistischen Bewegung und ueber den Ursprung ihrer leitenden Ideen und Triebkraefte. Herausgegeben von Dr. C. Landauer und Dr. H. Honegger. Verlag G. Braun, Karlsruhe 1928. G. 163.

Книга эта — сборник этюдовъ, посвященныхъ анализу особенностей фашистскаго міровоззрѣнія въ различныхъ странахъ и написанныхъ частью фашистами, частью антифашистами. Среди послѣднихъ — Е. Д. Кускова, давшая въ сборникъ статью объ «Элементахъ русскаго фашизма». Основной тезисъ Е. Д. Кусковой совершенно безспоренъ: элементы русскаго фашизма — доказываетъ она — нужно искать не среди русскихъ эмигрантовъ, а въ ВКП. «Въ эмиграціи пишутъ о диктатурѣ, въ Россіи не осуществляютъ всѣми методами». Очень удачно полемизируетъ Е. Д. Кускова съ тѣми, кто отрицаетъ ея процессъ проникновенія русскаго коммунизма фашистскими элементами называетъ «эволюціей коммунистовъ». «Эволюція» — указываетъ она — это медленное видоизмѣненіе въ опредѣленномъ направленіи къ тому пункту, который былъ выставленъ первоначально, какъ цѣль. Процессъ же, совершающійся нынѣ въ коммунистической партіи — есть, напротивъ, разрывъ первоначально взятой линіи, переходъ на совсѣмъ иные рельсы. Тотъ, кто возстановливаетъ капитализмъ, не коммунистъ, хотя бы онъ и сохранялъ старую маску». Поворотъ къ фашизму былъ произведенъ еще Ленинымъ, когда онъ провозгласилъ нѣтъ. Другимъ «фашистомъ-коммунистомъ» былъ Дзержинскій: онъ поставилъ на защиту права собственности «тотъ самый аппаратъ Чеки, который въ первый періодъ революціи былъ примѣненъ для экспроприаціи собственниковъ». Къ сожалѣнію, статья Е. Д. Кусковой, написанная свыше 3-хъ лѣтъ тому назадъ (когда всѣ эти мысли были, конечно, еще совершенно новы) напечатана въ сборникѣ, повидимому, безъ всякихъ поправокъ: этимъ, вѣроятно, объясняется довольно неожиданно звучащее нынѣ утвержденіе Е. Д. Кусковой о томъ, что «кандидатами на постъ Муссолини въ Россіи могутъ быть Дзержинскій (что, впрочемъ, было болѣе или мѣнѣе правдоподобно) и... Троцкій.

Германскій профессоръ М. Боннъ написалъ къ книгѣ послѣсловіе, которое, на мой взглядъ, является однимъ изъ самыхъ удачныхъ выступленій въ защиту парламентаризма изъ имѣвшихъ мѣсто въ послѣднее время и съ общими положеніями котораго мнѣ представляется целесообразнымъ ознакомить русскаго читателя.

Въ современной политической жизни проф. Боннъ отмѣчаетъ двѣ противоположныя тенденціи: 1) распространеніе идей парламентарной демократіи на отсталыя, колоніальныя и полу-колоніальныя страны и 2) широко распространяющееся недовольство той же парламентарной демократіей въ странахъ Европы. Это недовольство принимаетъ въ разныхъ странахъ самыя разнообразныя формы и создаетъ весьма раз-

нообразныя движенія, объединяемія иногда наименованіемъ «фашизмъ». Но при всемъ ихъ многообразіи у этихъ движеній есть одна общая черта. Это — вѣра въ физическую силу, какъ основной соціологической факторъ, сочетаемая съ чрезвычайно рѣшительнымъ отрицаніемъ всѣхъ детерминистическихъ теорій. Воля «вождя» абсолютно свободна. Представленіе о томъ, что этой волѣ могутъ быть поставлены какія-либо границы условіями общественнаго развитія, фашизму совершенно чуждо. Въ этомъ проф. Бонигъ видитъ еще одну черту, сближающую фашизмъ съ россійскимъ большевизмомъ, который, въ отличіе отъ «детерминистическаго» социализма, рѣшился «вести коммунизмъ, хладнокровно пренебрегая законами соціального развитія» *).

Если физическая сила — все, то естественно пренебрежительное отношеніе фашизма къ интеллигенціи и «интеллигентской болтовнѣ». Интеллигентъ для фашиста символъ «безволія», вызываемаго развѣдающими сомнѣніями. Этихъ сомнѣній нѣтъ у «сильной личности», обладающей «интуиціей». Въ наибольшей степени присуща эта интуиція военнымъ вождямъ. Проф. Бонигъ очень мѣтко замѣчаетъ, что послѣднее утвержденіе во всякомъ случаѣ «анахронизмъ». «Современная война», — пишетъ онъ, — «по своей внутренней сущности давно перестала быть интуитивно-индивидуальнымъ переживаніемъ героическихъ временъ... Для военного вождя война сейчасъ стала прежде всего проблемой организациіи массъ. Въ качествѣ директора - распорядителя предприятия по разрушенію міра («Weltvernichtungsunternehmen») онъ имѣетъ задачей всяческое содѣйствіе механизациіи человѣка. Его ближайшіе сотрудники — физики и химики, — изобрѣтатели всевозможныхъ аппаратовъ, замѣняющихъ и уничтожающихъ человѣка. Подобно тому какъ современный промышленный процессъ стремится превратить рабочаго въ придатокъ къ машинѣ, современная военная техника стремится къ механизациіи уничтоженія». Не этимъ ли объясняется то, что великая война не выдвинула ни Кромвеллей, ни Фридриховъ Великихъ, ни Наполеоновъ?

Не меньшимъ анахронизмомъ является другое фашистское представленіе — объ особой «интуиціи» хозяйственныхъ магнатовъ. «Рационализациія» промышленности отодвигаетъ и здѣсь интуицію на задній планъ. Тутъ кроется одно изъ самыхъ яркихъ противорѣчій фашизма. Онъ обращается къ людямъ, настроенія которыхъ дѣлаютъ ихъ противниками массовой механизациіи — въ первую голову «къ мечтателямъ, къ молодежи, ко всѣмъ тѣмъ, которымъ опротивѣлъ современный духовно опустошенный міръ». И въ то же время онъ ищетъ своихъ героевъ тамъ, гдѣ принципъ механизациіи подчеркнуть особенно рѣзко. «По горькой ироніи судьбы фашистское движеніе — по крайней мѣрѣ временно — финансируется людьми, заинтересованными въ прогрессѣ механизациіи. Очень сомнительно, сдѣлалъ ли бы гдѣ либо фа-

*) «Нѣмецкій фашизмъ» пишетъ въ томъ же сборникѣ одинъ изъ его теоретиковъ Франке — никогда не откажетъ въ уваженіи коммунизму, несмотря на всю остроту вѣдомой противъ него борьбы.

шизмъ большіе успѣхи безъ поддержки крупной промышленности. А вмѣстѣ съ тѣмъ онъ по своей внутренней сущности враждебенъ ей. Ибо современная крупная промышленность прежде всего уничтожаетъ личность»...

Итакъ человѣческая воля — въ фашистскомъ представленіи — совершенно свободна. Никакая «необходимость» не связываетъ «сильную личность». Эта ничѣмъ несвязанная личность имѣетъ право дѣйствовать по своему произволу. «Ея свобода отъ внѣчеловѣческихъ вліяній и ея сила даютъ ей право подчинять своей волѣ другихъ». Такова философская основа фашистской социологии. Изъ нея вытекаетъ отвѣтъ, даваемый фашистами на вопросъ объ «образованіи воли» въ человѣческомъ общежитіи.

Какъ образуется эта воля?

Вопросъ разрѣшается просто, поскольку подчиняющаяся масса «безвольна». Но, какъ замѣчаетъ проф. Боннъ, сейчасъ «положеніе, при которомъ большинство населенія предоставляло бы какой-либо инстанціи рѣшеніе вопроса о судьбѣ общежитія, немыслимо нигдѣ въ Европѣ да и едва ли мыслимо внѣ Европы». Поэтому проблема «образования массовой воли» («Massenwillensbildung») и является «основной политической проблемой современности». Она возникаетъ тогда, когда «отдѣльныя воли или воли различныхъ группъ направлены въ разныя стороны». Поэтому проф. Боннъ сводитъ ее къ вопросу: «Какъ можетъ быть преодолено дробленіе воли, какъ изъ многообразія ихъ создается единство?»

На этотъ вопросъ парламентаризмъ даетъ такой отвѣтъ:

«Различныя направленія воли находятъ свое выраженіе въ столкновеніи мнѣній. Публичное обсужденіе ведетъ къ исключенію слабообоснованныхъ мнѣній. Остаются непоколебимыя, неподдающіяся никакимъ аргументамъ убѣжденія или опредѣленно-выкристаллизировавшіеся интересы». Рѣшеніе опредѣляется большинствомъ... Меньшинство подчиняется «не силѣ аргументовъ большинства, а большинству, какъ таковому». Это не предотвращаетъ неправильныхъ рѣшеній, ибо большинство не всегда разумно. Но неправильныя рѣшенія могутъ быть исправлены, когда въ процессѣ развитія выясняется ошибка большинства и въ результатѣ къ власти приходитъ превратившееся въ свою очередь въ большинство меньшинство. «Если нельзя допустить, что всякое рѣшеніе, принятое большинствомъ, правильно», отвѣчаетъ на традиционную критику противниковъ парламентаризма проф. Боннъ, «то вѣдь во всякомъ случаѣ еще меньше есть основанийъ для допущенія, что правильно рѣшеніе, принятое меньшинствомъ».

При такомъ положеніи естественно, что центръ тяжести переносится на проблему осуществленія того или иного рѣшенія. А здѣсь уже безспорна большая легкость осуществленія рѣшенія большинства. «Въ конечномъ счетѣ — формулируетъ проф. Боннъ — рѣшающимъ

является не вопросъ о томъ, право ли меньшинство, а вопросъ: какъ будетъ проведено въ жизнь рѣшеніе? Кто имѣетъ право на принужденіе — большинство или меньшинство?»

Отсюда тѣсная связь парламентаризма съ компромиссомъ... Обсужденіе, уговариваніе, уступки — вотъ въ послѣднемъ счетѣ тѣ методы, которыми парламентаризмъ пытается сдѣлать единство воли изъ дробленія воли». Его цѣль «соглашеніе воли». «Разногласія разрѣшаются уступками, противорѣчія интересовъ сглаживаются путемъ переговоровъ... Изъ самой сущности парламентаризма вытекаетъ поэтому теорія компромисса».

Другой отвѣтъ даетъ противоположная парламентаризму политическая система, называемая проф. Бонномъ «милитаризмомъ». Это «система управленія приказами, а не переговорами». Одинъ человекъ или группа людей даетъ — безъ всякой мотивировки — приказанія остальнымъ. Согласіе этихъ остальныхъ не требуется. Требуется лишь подчиненіе. Это исконный методъ абсолютизма. Это — всегдашній методъ веденія войны. Въ прошломъ, это былъ методъ большинства организованныхъ религій. Проф. Боннъ считаетъ, что тотъ же методъ неразрывно связанъ съ ученіемъ о классовой борьбѣ, ибо «парламентскіе компромиссы не могутъ привести къ примиренію противостоящихъ другъ другу въ непримиримой и неизбѣжной борьбѣ классовъ» *).

Этотъ же методъ фашисты всѣхъ странъ противопоставляютъ парламентаризму. Проф. Боннъ указываетъ, что онъ «можетъ быть примѣненъ только тамъ, гдѣ у массъ населенія нѣтъ потребности къ самоуправленію и подчиненіе чужой воли превратилось въ историческую привычку». Онъ тѣсно связанъ съ чрезвычайно низкой оцѣнкой человѣческой личности, и «совсѣмъ» неслучайно творецъ итальянскаго фашизма такъ охотно ссылается на Макіавелли, основная мысль котораго сводится къ признанію злобности и тупоумія индивидуума). Политика «дѣйствія безъ переговоровъ» («Handeln ohne Verhandeln») голаго приказа, принужденія и угрозы — единственная политика, достойная такого индивидуума или такой націи.

Другой вопросъ, въ которомъ рѣзко сталкиваются парламентаризмъ и фашизмъ, это вопросъ «отбора вождей». При парламентаризмѣ отборъ этотъ производится путемъ послѣдовательнаго ряда выборовъ процедуръ. Недостатки этой системы совершенно очевидны и фашистская критика «парламентской коррумпіи» признается и

*) Не входя въ обсужденіе правильности этой точки зрѣнія, раздѣляемой, между прочимъ, и коммунистами, я хочу лишь указать на противорѣчіе ея новѣйшимъ социалистическимъ теоріямъ о «хозяйственной демократіи», нашедшимъ себѣ недавно столь яркое выраженіе на всенѣмецкомъ съѣздѣ профессиональныхъ союзовъ.

проф. Бонпомъ, если и преувеличенной, то во всякомъ случаѣ для нѣкоторыхъ странъ (Испанія) имѣющей свои основанія. Но что предвѣстятъ фашизмъ? Одно время онъ носился съ мыслью о «власти спецповъ». За этимъ настроеніемъ скрывалось просто на просто недовольство высшей бюрократіи по поводу потери ею того фактически безответственного положенія, которое она занимала въ монархіи. Опыты съ врученіемъ власти въ послѣреволюціонной Германіи представителямъ бюрократіи (канцлеръ Куно, незадачливый баварскій диктаторъ фонъ-Каръ) закончились совершенно плачевно. Очень скоро идея о «власти спецповъ» оказалась поэтому отброшенной и замѣненной идеей о «прирожденномъ вождѣ». И вотъ здѣсь то проф. Боннъ наноситъ фашизму рѣшительный ударъ постановкой весьма простаго вопроса. «Фашисты» — пишетъ онъ — «требуютъ природеннаго вождя. Это ихъ требованіе совершенно правильно. Вопросъ заключается лишь въ томъ, препятствуетъ ли парламентаризмъ выдвигенію дѣйствительно талантливыхъ людей». Исторія и современная политическая жизнь даютъ массу матеріала для отрицательнаго отвѣта на этотъ вопросъ. «Конечно», не безъ остроумія замѣчаетъ проф. Боннъ, — не всякій избранныкъ, вышедшій въ министры, — природенный вождь. Но вѣдь и одно то, что человѣкъ не избранъ («Das Nichtgewähltwerden»), еще не является свидѣтельствомъ его годности въ вождя. Единственная положительная черта, внесенная фашизмомъ въ разрѣшеніе проблемы вождя — это его готовность слѣдовать за вождемъ, когда онъ родился. Методовъ, обеспечивающихъ не только единичное, но и повторное рожденіе такого вождя, онъ до сихъ поръ не выработалъ.

Въ концѣ концовъ весь вопросъ сводится къ захвату власти и утвержденію ея за собой. Это въ глазахъ послѣдователя фашиста единственный методъ выявленія природнаго вождя. Поэтому «предпосылкой милитаризма, какъ политической системы, является успѣхъ. Фашистскій «природенный вождь» — человѣкъ, которому удалось захватить власти. Отъ того же успѣха зависитъ и вся его дальнѣйшая карьера, ибо онъ долженъ непрерывно показывать той группѣ, которая помогла ему захватить власть, что онъ «не только человѣкъ, но человѣкъ дней, недѣль и годовъ».

Слѣдовало бы еще, быть можетъ, остановиться на очень тонко подмѣченномъ проф. Бонпомъ различіи между отношеніемъ фашизма къ парламентаризму съ одной стороны и демократіи съ другой. (всегда враждебный парламентаризму фашизмъ можетъ и не быть враждебнымъ демократіи), а также на объясненій, даваемыхъ имъ присущей фашистамъ всѣхъ странъ «ненависти къ партіямъ». Но рецензія моя и такъ чрезмѣрно растянулась. Отмѣчу лишь еще указаніе на тѣсную связь между внутренней и внѣшней политикой фашизма «ненавидящаго Лигу Націй прежде всего потому, что она является попыткой разрѣшать международные конфликты методами парламентаризма».

Представленіе о государствѣ, какъ «личности» связывается съ подчеркиваніемъ его абсолютной «свободы». «Свое» государство становится «государствомъ - сверхчеловѣкомъ», которому «все позволено». Но практика и здѣсь разрушаетъ фашистскія иллюзіи «Фашистское государство», иронически замѣчаетъ проф. Боннъ, «гордо подчеркивающее свой самодовлѣющій характеръ и свою независимость отъ международныхъ связей, въ то же время не въ состояніи открыть для своихъ эмигрантовъ двери Америки. Оно должно довольствоваться привлеченіемъ къ себѣ въ страну американскихъ капиталовъ».

Проф. Боннъ явно стремится выдержать до конца тонъ судьи, а не прокурора. Тѣмъ большее впечатлѣніе долженъ произвести его очеркъ на всякаго непредубѣжденнаго читателя.

С. Соловейчикъ.

Teodor Taranowski. Historia prawa rosyjskiego. C. I. Historia ustroju państwowego. Lwow. 1928. стр. 152.

Появившаяся недавно на польскомъ языкѣ, выпущенная польскимъ издательствомъ «Историко-юридическій памятникъ», книга проф. Ф. В. Тарановскаго «Исторія русскаго права ч. I-ая» заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Уже одно изложеніе на 142-хъ страницахъ всей исторіи русскаго государственнаго права является дѣломъ далеко не изъ легкихъ. До сихъ поръ подобная задача съ успѣхомъ была выполнена только чешскимъ профессоромъ К. Кадленомъ. Но въ то время какъ К. Кадлецъ, повидимому, предназначалъ свой трудъ главнымъ образомъ для лицъ, впервые приступающихъ къ ознакомленію съ исторіей русскаго права, произведеніе Ф. В. Тарановскаго не только можетъ быть рекомендовано студентамъ въ качествѣ лучшаго изъ всѣхъ краткихъ пособій, но несомнѣнно представляетъ большой интересъ и для специалистовъ предмета.

Конечно, изложеніе по необходимости ведется Ф. В. Тарановскимъ съ большой краткостью, отъ чего до извѣстной степени не могли не пострадать отдѣльныя части его книги — въ особенности это относится къ главамъ, касающимся XVIII и XIX в. в. Но при всемъ томъ авторъ настолько искусно справился со своей задачей, что отъ чтенія значительнѣйшей части его книги не только не получается впечатлѣнія коллеспекта, но, наоборотъ, невозможно отдѣлаться отъ изумленія передъ количествомъ разсмотрѣнныхъ вопросовъ и передъ изобиліемъ обнаруженнаго при этомъ знанія. Это знаніе въ «Исторіи русскаго права» — какъ и во всѣхъ другихъ трудахъ автора — соединяется съ исключительной свѣжестью научной мысли. Историческіе выводы и положенія, высказываемые авторомъ на всемъ протяженіи его книги, нигдѣ не носятъ на себѣ слѣдовъ простаго эклектизма. Всюду видна строгая самостоятельная изслѣдовательская мысль, въ высокой мѣрѣ критически относящаяся къ установившимся историческимъ канонамъ.

Помѣщенный въ концѣ книги «краткій указатель» литературѣ: